

Хеллоуинский Костер

Виталия Лунёва

Виталия Лунёва

Хеллоуинский Костер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69940033

SelfPub; 2023

Аннотация

В тёмном лесу в ночи, в канун праздника Хэллоуин горит костёр. Вокруг костра собралось пятеро ребят в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. Каждому страшно, но каждый пытается не выдать страх. Каждый уверен, что сегодня именно его жуткая история напугает всех...

Виталия Лунёва

Хеллоуинский Костер

Рассказы пропавших детей

Не ходите дети ночью в лес...

Тучи сомкнулись под Луной. Небо было облачным, серым, в нем не было ни звезд, ни загадочной черноты.

Поляна, на которую вышла ночная компания, и вправду была примечательной. Под ночным небом деревья вокруг были смоляные, а трава почти черной. Поляна была чистая и на ней можно было удобно всем разложиться. Поскольку парни, наконец, нашли хорошее местечко, они с удовольствием расстелили длинный, как придворный ковер, плед на шероховатую землю и неловко уселись.

Ночное безмолвие все еще царило вокруг. На мгновение луна вышла из-за пуха облаков, осветив лица друзей. И опять стало темно. Летний ветер все равно продувал через плотно стоящие деревья, а на небе, точно рассыпанный сахар, начали появляться звезды, но тут же угасали, когда их заслоняли белые, как и днем, облака, через которые крича просвечивало ночное небо. Несмотря на то, что была жаркая июльская ночь, вся компания ежилась от напорного ветра. Похоже им стоило одеться потеплее, лес шорты и футболки не жалуется.

Ночь на седьмое июля. Именно эта ночь считается праздником. Именно этой ночи они ждали всю неделю и прилежно учились, чтобы их отпустили родители. Именно ради этой ночи они купили пару пакетов сарделек. А Степан нашел большой плед в старом чулане, а Алексашка уговорил отца сходить на шашлыки, чтобы потом незаметно вытащить из мангала уже обгорелый, но все-таки еще уголь. Ведь именно в эту ночь нечисть становится наиболее опасной и чуткой.

Степан, как главный в компании, как и прежде молча, не заботясь о последствиях, вытряхнул местами уже белый уголь на траву и кинул на него лежащие рядом сухие ветки. Взлетевшие угольки немного осыпали светлые, славянские волосы Степана, а в свете наконец-то открывшейся луны заблестели его черные глаза.

Где-то рядом ухнула сова, и Витька, как самый малый, всего-навсего двенадцатилетний парень с носом картошкой и круглым, но сейчас красным лицом, испугавшись, заговорил.

– Это что? Сова? А почему она не спит? А кто-то еще из зверей в наших лесах есть? -пытаясь не выдать свое беспокойство товарищам, но тем не менее дрожа то ли от холода, то ли от страха.

– Совы-ночные животные! Мой отец один раз ходил сюда на охоту и пристрелил косулю. Они здесь точно есть. Но, не бойсь, за тридцать лет работы моего отца-егеря он здесь еще ни разу не видал медведя. Разве издали бирюков видел, –

усмехнулся Алексашка, взмахнув черными волосами, сейчас походящие как камуфляж, а затем сам изобразил охи совы. Он засмеялся в голос, сузив синие глаза до щелочек.

– Я не боюсь! Просто интересно стало, честно-честно! – испугался выдать себя Витька.

– Хватит! Есть у кого-то зажигалка или спички? Я как-то о них не подумал, – оглянулся на товарищей Степан.

– Откуда ж у нас спички? Мать каждый раз проверяет все коробки после того, как мы с Колей их вынести пытались! – заговорил Миха, один из близнецов. Сегодня утром он опять подрался с братом, и теперь у него на лбу виднелась несимметричная ссадина. Хотя на его смуглом лице всегда были синяки и шишки, эту было видно даже ночью, как бы он не пытался спрятать ее за коричневыми волосами-шторкой.

– Как же мы костер разожжем? Как будем жарить сардельки? – забеспокоился Витька.

–Ничего страшного. У меня отец-егерь. Он в разжигании пламени часто без коробка спичек обходится и меня научил. Нужно просто взять два камня, – Алексашка поднял два удачно лежавших рядом камня, – И стукнув их друг об дружку, пытаться высечь искру.

Алексашка достал из отцовского сидора заранее заготовленную бумагу, скомкал и бросил на уголь. Спустя некоторое время он, наконец, высек искру, поджег пергамент, затем пропихнул бумажку вглубь костра, угли покраснели и пошел дымок. Костер начал гореть.

Алексашка, как второй лидер, поскольку второй по возрасту, счастливо улыбнулся своему успеху и протянул друзьям сардельки, те их быстро похватали.

Парни, желая пожарить и съесть еду быстро, схватили близлежащие грязные палки и насадили на них свой поздний ужин. Затем все близко прижались друг к другу, чтобы поскорее приготовить еду и согреться у только что разгоревшегося костра.

– Витька, а тебя как же отец-то отпустил? Он тебе с нами даже общаться не разрешает, а тут ночью- пожалуйста, – подколот Коля, второй близнец, у которого от утренних побоев остался под глазом синяк. Волосы парень зализал дедовским лаком назад, чтобы его отличали от брата, с коим сейчас, видимо, он был в ссоре.

– А вы не знали? Пропал батька -то мой!

– Как пропал? -не понял Миха. –Так ежили пропал, чего не ищут-то?!

– Ищут-ищут! Вот только не просто он пропал! Уже и не сыщут! – ответил Витька.

– Так чего ты молчишь-то?! Говори, как пропал -то! Может, мы найдем! – встрепенулся Степка.

– Взгляните на мои часы! Который час? Пол третьего ночи! Слушайте! Часу в первом проснулся мой батька. Чудится ему, что кто-то рядом с ним в кровати лежит. А матери моей уже второй день как нету, в город к сестре поехала. И вроде бы и человек, но маленький и в пелена укутан. Протер

бабушка мой глаза и видит- лежит с ним рядом младенец. Тихо лежит, не плачет и звуков не издает. И так в пеленки закутан, что лица не видно и никак не развернуть.

Понятно, что после этого спать не хочется. Сел мой бабушка на кровати и видит, как на нашем кресле сидит старуха, сморщенная, страшная. Ой, какая страшная! Волосы, как ночное небо, черные, да такие сальные и грязные, что как будто мокрые. Кожа настолько белая, что все вены, даже мельчайшие, видны насквозь. Глаза такие вытекшие, опухшие, что и зрачков не видно. Сидит в тени и смотрит на младенца. Как бабушку моего заметила, приложила палец к губам и говорит голосом, настолько охрипшим, что словно никогда и не говорила, а зубы острые, желтые, и весь рот в земле: «Не буди моего ребенка».

Вот после этого бабушка, то и пропал.

– Ох ты, Витька, и выдумщик! Ну рассказчик! – в голос засмеялся Алексашка, распугав всех уже уснувших птиц.

– И ничего я и не выдумываю! Очень даже правда! – обиделся Витька.

– Ну, не обижайся. Ну как ты мог узнать, что случилось с отцом, если он пропал? Да и почему ты здесь, а не в полиции если же приключилось такое. Вот у меня история! Настоящий ужас.

К нам тетка приехала из Сибири, всем подарки дарила. Мне новые меховые унты достались. Я, конечно, обрадовался. У окна поставил и решил, что, когда ночью к вам пой-

ду, их одену. Жарко, конечно, но ежили вы бы эту красоту увидели, все бы поняли. Мать меня вечером будит и орать начинает. Мол, почему ты одел новые унты и через окно в дом зашел, наследил же! А от моего окна до самой входной двери идут следы, какие мои унты оставляют – землистые, мокрые. Словно, кто-то в моих унтах забрался через окно и прошел весь наш дом, а затем просто вышел через сени. Я, пока еще светло было, следы пытался отследить. Из двора они через огород идут, по летним лужам, оттуда по дороге и прям в этот лес, где мы сейчас с вами сидим.

– А дальше? Унты-то нашёл? – заинтересованно спросил Степка после минутного молчания.

– Дальше стемнело. – вздохнул Алексашка. – Искать уже не представляло смысла. Ночью одному в лесу и заблудиться можно было бы. А завтра, после дождя, следы размочет и пропали мои унты. Вот только кто мог влезть в окно? Это значит – стоять прямо надо мной спящим, одеть мои унты и пройтись по всему дому, где куча гостей и людей, а затем ночью уйти в лес? Жутко, неправда ли? А ведь окно я кажись и закрывал....

– Да, ну не может у нас в деревни столько всего произойти! У нас и полицейский есть! Про Михалыча забыли? – спросил Коля.

– Да как же я могу забыть-то про отчима то своего?! Он кстати сегодня домой какой-то озабоченный пришёл. Посадил меня за стол и давай такое рассказывать. Бред какой-то!

Я уж думал он заболел, – ответил Степан.

– Что же он этакое рассказал? – заинтересовался Алексашка.

– В кабинете у него радио стоит, отца его еще. Он его на работу носит чтобы скучно не было. Крутит, вертит там что-то. Потом домой обратно забирает. И ведь не всегда на нужную волну попадает. Вот попал на какую-то. Слышит- трески, шум и ничего. Уже переключать думал и тут голос как будто прямо к нему обращается: «На улице снег, на улице дождь, на улице ветер...» И опять помехи. В окно выглянул. Тишь. Ни ветра, ни дождя, ни снега. И опять голос: «Выходи на улицу... Впусти ты с улицы...» И опять помехи. Переключил он короче. Вечером после работы выходит Михалыч, с собой радио берет естественно. Давно там уже другая частота установлена. И вдруг опять ночью, посреди дороги тем же голосом: «На улице снег, на улице дождь, на улице ветер.... Теперь ты на улице, а я у тебя в доме...»

Когда он вернулся и мне все рассказал, мы радио стали настраивать. Вот только оно теперь не то что ту именно, а вообще никакую частоту не берет. Сломалось радио- то, – закончил Степан.

– Так я ж и отчима твоего видел по дороге. Иду я значит с озера. Часов пять назад это было. С работы Михалыч шел и, вправду, с радио. Я еще тогда Марию Ивановну встретил. Старушку. Молоко несла. А ведь поздно уже. Часов восемь-девять, магазин -то уже не работает. И ладно бы свое,

но покупное откуда-то несет. Я подхожу к старушке и спрашиваю. Откуда она и куда так поздно, и нужна ли ей помощь. А она меня, глядишь, не узнала. Смотрит расширенными глазами. Напуганными. И вдруг как закричит. Все молоко выронила. А оно ж в стекле. Так и разбилось. И бежать от меня. Я понятное дело старушку догонять не стал. Не признала похоже, подумала, что грабят. Так еще и кричит мне, уже убегая: «Демон, демоница!». Я домой пошел и вот уже подхожу, калитку открываю и понимаю, что за мной тень какая-то идет. Голову немного повернул, когда ворота - то закрывал и вижу: выглядывает Мария Ивановна из-за угла. А выражение лица у нее такое страшное, хищное. Подумал, что пришла мне выговорить за разбитые бутылки с молоком, смотрю, а все три бутылки в ее пакете целёхонькие, как будто до этого и не ее видел.... – засомневался Миха.

– Да старая она! Старая! Не понимает, чего творит! – объяснил Михе брат. Вот меня какой-то мальчишка напугал витькиных лет. И ведь не знаю его. Не из наших что ли, не из деревенских. Мы ведь вместе с Михой шли, но потом разошлись. Я сразу домой, а он куда-то прямо. Не знаю, может и к Марии Ивановне. Вижу перед нашим домом стоит этот. Спиной ко мне. Я сначала даже не понял. Подумал Витька. Рост на то указывал. Я подхожу по плечу трогаю, думаю – он не он?. А мальчишка резко развернулся, сдернул с меня шапку и пропал...

– Как это пропал? – взволнованный судьбой мальчика, по-

хожего на себя, спросил Витька.

– Убежал. Я за ним естественно, мне же шапка нужна. Он забежал за угол, там, где у нас забор справа кончается. Поворачиваю за ним и еле успеваю зацепиться скользкими пальцами за вырезы на заборе. Я ж забыл, что справа от нашего забора подъем от речки по которому мы шли. Вот только подъем-то крутой. Если оттуда вниз круто сбегать или прыгнуть- костей не соберешь. Вот и получилось, что, если бы я не успел затормозить, непонятно, что было бы. А парнишки нет. Может и убился, это уже не знаю, но я до сих пор сижу без шапки. Указал Коля пальцем на свою голову.

– Ребята, сардельки подгорают! – спохватился Алексашка.

Парни, заслушанные рассказами друг друга и правда подпалили сардельки, но, несмотря на это, с тем же аппетитом съели их.

На следующий день

– О, Лариса и вы здесь! Какими судьбами? -обрадовался матери Алексашки отец Витьки.

– Вчера ночью мой куда-то сбежал. Ночью еще заметила, но думала, наверное, подростковый возраст, к утру вернется. Нет. Не вернулся. Все еще где-то шляется. Пришла к Михалычу чтобы поймал, да налупил хорошенько! А ты-то как здесь?

– Мать, видать они где-то вместе. Моего дома тоже нет. Сегодня я так хорошо спал, а на утро смотрю, а его и нет. А

ты чего, мать, в унтах-то? Лето как бы. Вспотеешь. Я знаю, что у тебя сестра из Сибири приехала, но рановато уже для теплых меховых валенок.

– Да это не мои. Негодяя моего. Ему сестрица подарила. Так еще аккуратно их на верхнюю полку поставил. Ели сняла. Очень они ему уж нравятся. Вчера все башмаки свои в лужах испачкала. Думаю, схожу к Михалычу в его унтах, коли его нет. Я же просила женушку твою, когда в город поедет мне новых сапог купить, она помнит?

– Да помнит, помнит. Она утром-то вернулась, а Витьки нет. А сапоги купила.

В свой кабинет наконец входит Михалыч, с большой кружной сладкого чая и явно удивленный таким гостям.

– Вы чего здесь? Уходите не мешайте, у меня дел по горло, Степка- то пропал.

– И твой тоже? Нет, ну все понятно. Умно кивнула Лариса.

– «Мой тоже»? А ваши дети где? Пропали что ли? Ой, мы здесь надолго, собирайтесь, искать пойдем.

В комнату входит встревоженная мать близнецов Коленьки и Миши, а за ней идет Мария Ивановна.

– Ой, Михалыч, -горе! Моих нет! Всю ночь их не было. Воскликает мать.

– Ладно, Надь, не кипятись. Все пропали. Сейчас вместе все пойдем искать. И все хорошо будет, – успокоил женщину Михалыч.

– Слушай, Надь, а ты чего в шапке то? Что бы все сегодня

зимние? Это ночью так одеваться надо! А сейчас – благодать.

– Да это же Колина! Пойди он бы ночью куда-то он бы ее наверняка надел! Когда дождь он всегда ее одевает. А я болею, не планировала я из дома выходить, – зло перебивает Надя.

– Мария Ивановна, а вы здесь зачем? У вас что, тоже какой-то ребенок пропал? – спрашивает Михалыч у бабушки.

– Да я в магазин шла, за яйцами. Молока то дома полно вот и захотела блины сделать. А яиц нет. Ну, когда я вас увидела мне интересно стало, что вы здесь такое обсуждаете.

– Нет, Мария Ивановна, лучше идите за яйцами, – строго наказал ей полицейский.

– Слушай, Михалыч, а зачем тебе радио в кабинете? – спросил отец Витьки. – Рабочее?

– Рабочее, – вздохнул Михалыч.

После текста:

Спустя два дня поисков была найдена поляна с пледом, потухшими углями и недоеденными сардельками. Что или кто заставило пятерых парней в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет уйти оттуда неизвестно. Поиски продолжаютя...